

Риттер Александр Александрович

Отзвуки минувшего

Очерки, рассказы и воспоминания

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Александрович Р.**
Отзвуки минувшего: Очерки, рассказы и воспоминания / Риттер Александр Александрович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 107 с.

ISBN 978-5-519-80768-5

ISBN 978-5-519-80768-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Окончивъ чтеніе газеты, батюшка разобралъ пачку полученныхъ имъ писемъ и, выбравъ одно изъ нихъ, передалъ его Амалии Карловнѣ:

— Переведите-ка мнѣ это—оно написано по-нѣмцеи,—сказалъ онъ.

Амалия Карловна взглянула на подпись, и прежде всего объявила, что письмо отъ Шармера, извѣстнаго въ то время въ Петербургѣ портнаго, затѣмъ принялась за его чтеніе.

Изъ содержанія этого письма оказалось, что Шармеръ въ весьма почтительныхъ выраженіяхъ извѣщаетъ батюшку, что, къ крайнему его огорченію, присланный къ нему четыре года тому назадъ для ученія портновскому мастерству Кириллъ Бондаренко совершенно отъ рукъ отбилсѣ, лѣнивъ и непослушнъ и, избѣгая заслуженныя наказанія, по цѣлымъ недѣлямъ пропадалъ въ разныхъ вертепахъ. Далѣе Шармеръ добавлялъ, что онъ долго медлилъ огорчить батюшку въ надеждѣ на исправленіе Кирилла, который начиналъ уже показывать нѣкоторыя способности къ мастерству и даже прекрасно выучился метать французскія петли, но что, наконецъ, терпѣніе его, Шармера, лопнуло, и онъ вынужденъ былъ распорядиться о препровожденіи Бондаренко къ его владѣльцу черезъ полицейское управленіе.

— Ахъ онъ нѣмецкая колбаса!—вскричалъ батюшка, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ Амалии Карловны, обративъ весь свой гнѣвъ уже не на Кирилла, а на самого Шармера.—Четыре года аккуратно получалъ съ меня за Кирюшку деньги, выучилъ его метать какія-то французскія петли и отправляетъ мнѣ его назадъ!.. Ну, отодралъ бы его тамъ, что-ли, хорошенько за лѣнь, а всежъ-таки выучилъ бы его хоть штаны шить, а то прошу покорно—петли метать!.. Поди—самъ же каналъ избаловалъ его своими нѣмецкими гуманностями и бирь-зупами! Амалия Карловна! Напишите-ка сейчасъ же мусье Шармеру по-нѣмецки ругательное письмо и объясните ему, что я больше ему не заказчикъ и прекращаю съ нимъ всякія дѣла.

Амалия Карловна сдѣлала кивсенъ и проговорила:

— Мой исполнять in ein Augenblick.. ¹⁾.

¹⁾ Въ одно мгновеніе!

Въ то время, о которомъ я повѣствую, помѣщики посылали своихъ крѣпостныхъ въ Петербургъ и Москву учиться разнымъ мастерствамъ, плати за нихъ за это большія деньги. До сихъ поръ еще въ провинціи попадаются прекрасные доморощенные повара, кондитеры, портные и даже музыканты и живописцы. Всѣ они болѣе или менѣе хорошо устроились послѣ отмѣны крѣпостнаго права.

Батюшка походилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, затынулся нѣсколько разъ на чубука и обратился къ одному изъ лакеевъ:

— Кирюшку привелъ?

— Точно такъ-съ. Въ людской дожидается.

— Позвать его сюда!

Матушка обратила къ нему тревожный взглядъ.

— Ради Бога, при дѣтяхъ...

— Не безпокойся, меня интересуетъ только узнать, вретъ ли нѣмецъ или нѣтъ?

Черезъ нѣкоторое время дверь въ столовую тихо отворилась, и, какъ-то ежась и бросая во всѣ стороны тревожные взгляды, у притолен остановился маленький блѣдный человѣчекъ въ лиловой визиткѣ, желтыхъ брюкахъ и красномъ галстукѣ, повязанномъ сверху манишкой. Костюмъ этотъ, видимо сшитый когда-то съ претензіей на франтовство, сильно былъ поношенъ, очевидно, во время „препровожденія“ его владѣльца. Длинные волосы Кирилла были зачесаны назадъ „à la чортъ мени побери“, а на подбородкѣ его красовалась рыжая эспаньола.

Въ общемъ представшая нашимъ глазамъ фигура была настолько комична, что даже отецъ, а вслѣдъ за нимъ и всѣ остальные, приснули со смѣха.

— А, Шармеръ!.. подойди-ка сюда поближе, проговорилъ батюшка, — да какимъ ты, братецъ мой, франтомъ нарядился. Неужели у „вась“ въ Петербургѣ такая мода?

Кириллъ подошелъ къ своимъ господамъ „въ ручкѣ“, а затѣмъ, сообразивъ, что первая гроза миновала, довольно бойко отвѣтилъ:

— Точно такъ-съ... самая послѣдняя картинка.

— А ну-ка повернись... встань бокомъ... а подойди-ка еще, продолжалъ отецъ.

Кирилль окончательно успокоился и, исполнивъ приказаніе барина—видимо утрируя, промелся по комнатѣ развязной походкой гуляющаго франта.

Мы захлебывались отъ восторга, понявъ, что отецъ въ хорошемъ расположеніи духа и что будетъ „комедія“.

— А по-нѣмецки говорить научился ты у Шармера? продолжалъ батюшка и, получивъ утвердительный отвѣтъ, какъ-то загадочно улыбаясь, обратился къ матушкѣ въ полголоса:

— А не дурно бы заставить его поговорить съ Амаліей Карловной... какъ ты думаешь... а?... право бы не дурно!

Матушка уборзненно на него взглянула, и затѣя эта была оставлена, но съ замѣтнымъ, однако, отгѣнномъ сожалѣніемъ.

— Ну, такъ вотъ что, братецъ, обратился отецъ къ Кириллю,—Шармеръ пишетъ, что ты блистательно окончилъ полный курсъ наукъ и что даже выучился метать французскія петли. Можешь ты шить миѣ, напимѣръ, пальто?

— Могу-съ...

— А какія пальто теперь въ модѣ у „васъ“ тамъ въ Петербургѣ?

— Да разныхъ-съ... Пальмерстоны, патріотическія, пальто-саби...

— Вотъ, вотъ—миѣ хотѣлось бы пальто-сабъ. Но такъ какъ я еще не видалъ твоей работы, да и матеріалу нѣтъ, сшей-ка ты миѣ пока на скорую руку пальто-сабъ изъ холста, а затѣмъ, если миѣ этотъ фасонъ понравится, я съѣзжу въ городъ, выберу матеріи и ты сошьешь уже настоящее.

И вотъ Кирилль Бондаренко приступилъ къ работѣ. Снялъ мѣрку съ отца, разложилъ на обѣденномъ столѣ принесенные изъ амбара куски холста, употребляемаго на мѣшки, и принялся кроить „пальто-сабъ“.

Отецъ ушелъ въ кабинетъ, наказавъ намъ не мѣшать „господину Шармеру“, и мы, затаивъ дыханье, съ любопытствомъ стали слѣдить за всѣми его эволюціями.

Долго мѣрилъ Кирилль холстъ, разрѣзалъ его на куски, бросилъ, опять прикидывалъ мѣрку, затѣмъ о чемъ-то глубоко задумался, вздохнулъ и принялся за шитье.

Наконецъ, пальто сметано, рубава вшита, но Кирилль опять что-то выпарываетъ, опять вшиваетъ... котъ у него выступилъ на лбу, руки его замѣтно дрожали...

Входитъ отецъ. Проходи мимо Кирилла, онъ пскоса поглядѣлъ на его работу и улыбнулся.

— Ну-ка надѣнь на себя свое произведеніе, а я погляжу на фасонъ—сказалъ онъ.

Кириллъ молча повиновался, и о ужасъ!.. Онъ оказался наряженнымъ не то въ бабью куцавейку, не то просто въ какой-то мѣшокъ. Одна нога была длиннѣе другой, борта перекосило въ сторону,—словомъ онъ странно сталъ похожъ на огородное пугало.

Мы забавились дѣтскимъ веселымъ смѣхомъ, но мгновенно присмирѣли...

Батюшка перемѣнилъ тонъ, нахмурилъ брови и, подведя Кирилла къ большому зеркалу, строго проговорилъ:

— Такъ вотъ ты чему научился въ четыре года!.. Такъ вотъ за что за тебя баринъ деньги нѣмцу платилъ! Погоди-же любезный... поѣшь ты у меня здѣсь Шармеровскіе бутерброды!

— Эй!—крикнулъ онъ.

Вбѣжалъ лакей.

— Позвать сюда приеащика!

Кириллъ поблѣднѣлъ, какъ смерть, и, упавъ на колѣни, рыдая и ползая за ходившимъ по комнатѣ батюшкой, старался поймать его ногу.

— Не погубите... отецъ родной—стоналъ онъ.

Сердце у меня замерло, слезы выступили на глазахъ. Мнѣ невыразимо его было жалъ... Сестра Соня громко заплакала.

Вбѣжала встревоженная мать.

Vous m'avez promis ¹⁾—сказала она укоризненно.

— *Je tiens toujours mes promesses, vous le savez* ²⁾ отвѣчалъ отецъ.

Вопелъ приеащикъ.

— Вотъ что, Евстафій,—обратился къ нему батюшка, указывая рукой на все еще стояваго на колѣняхъ Кирилла,—возьми-ка ты вотъ этого „Шармера“, пели его обстричь и сбрить ему эспаньолку и въ этомъ-же пальто-сакъ имъ самымъ спитомъ,

¹⁾ Вы мнѣ обѣщали.

²⁾ Я всегда сдерживаю свои обѣщанія—вы это знаете.

отправь-ка ты его на одинъ изъ хуторовъ свиной пасти. Видно, онъ больше ни на что не годенъ. Ну, пошелъ!—прибрыкнулъ онъ на Кирилла, обнимавшаго его ноги.

Надо было видѣть радость бѣднаго „Шармера“, ожидавшаго Бога вѣсть какой кары. Онъ бросился еще разъ въ ноги отцу, поцѣловалъ полу его халата и молча послѣдовалъ за Евстафьемъ.

Съ тѣхъ поръ прошло много, много лѣтъ. Рядъ реформъ измѣнилъ весь общественный строй... Много воды утекло, и я самъ изъ мальчишка превратился уже въ старика, и вотъ недавно пришлось мнѣ по дѣламъ пышныя побывать на родниѣ.

Остановился я на постояломъ дворѣ и, пока лошади отдыхали, я за стаканомъ чая усѣлся у окна. Мнѣ бросилась въ глаза красовавшаяся какъ разъ напротивъ вывѣска, на которой крупными буквами выведено было *столичный портной выученикъ Шармера*.

Платье мое сильно помялось въ дорогѣ, и я послалъ его выутюжить къ „столичному“ портному, а самъ вновь углубился въ созерцаніе грязной улицы родного города—столь же грязной, какъ и тридцать лѣтъ тому назадъ...

Дверь отворилась, и въ комнату вошелъ лысый старичекъ съ тщательно завернутымъ въ черный коленкоръ моимъ платьемъ. Подойдя ко мнѣ ближе, онъ поцѣловалъ меня въ плечо.

— А вы поди, баринъ, меня и не узнали?.. Да гдѣ ужъ, шестой десятокъ мнѣ пошелъ... Вашъ бывший крѣпостной Кириллъ Вондаренко,—отрекомендовался онъ.

Я силился припомнить. Старичекъ это замѣтилъ и, добродушно улыбаясь своимъ беззубымъ ртомъ, продолжалъ, видимо оживившись:

— Помните—еще папаша заставилъ меня изъ холста пальто-сакъ шить.. И напугался же я тогда! Ни шить, ни кроить не могу... а ничего, покойникъ баринъ — царствіе ему небесное! — помиловалъ меня въ ту пору. А отодрать бы во какъ слѣдовало, ежели по совѣсти сказать!..

И, помолчавъ немного, онъ прибавилъ, хихикая.

— А Шармеромъ такъ меня и сейчасъ всѣ величаютъ...

И повѣло на меня чѣмъ-то далекимъ, забытымъ... И долго, долго еще послѣ этого, сѣдя уже въ экипажѣ, я предавался воспоминаніямъ прошлаго. И какое-то злобное чувство закралось мнѣ въ душу противъ тѣхъ писателей, которые, излагая эпизоды изъ крѣпостного права, съ какимъ-то злорадствомъ группируютъ лишь его темныя стороны, умышленно упуская другія—болѣе свѣтлыя, патріархальныя...

II.

Кучеръ Яшка.

Матушка съ нами—т. е. съ дѣтьми—не иначе ѣздила, какъ въ шестипѣстной каретѣ, выпсанной отцомъ изъ Вѣны.

Кареты того времени какъ-то висѣли на круглыхъ рессорахъ и во время ѣзды качались во всѣ стороны; а устроены онѣ были на такомъ высокомъ ходу, что для того, чтобы въ нихъ забраться, необходимо было сперва переступить черезъ три или четыре ступеньки, которыя съ какимъ-то особеннымъ трескомъ складывались и опускались ливрейнымъ лакеемъ, стоявшимъ на запятеяхъ. Колеса у каретъ были громадныя; подъ кузовомъ, на толстой цѣпи, звенѣлъ желѣзный тормазъ, а самый экипажъ представлялъ изъ себя подобіе ковчега. Словомъ, тяжелѣе и безобразнѣе каретъ того времени трудно себѣ что-либо представить, а потому ѣзда въ нихъ только и была возможна шестерикомъ рослыхъ и сильныхъ лошадей.

Кучеръ у матушки былъ свой; звали его—Кузьма. Ни за что на свѣтѣ не рѣшилась бы она ѣхать съ другимъ, страшно боясь всякихъ мостовъ, плотинъ, босогоровъ и горъ. Старикъ же Кузьма настолько принаровился къ ея характеру, что, при каждомъ спускѣ съ горы, уже самъ останавливалъ лошадей, при чемъ всѣ мы вылѣзали изъ экипажа и шли пѣшкомъ. При малѣйшемъ же наклонѣ дороги, на ходу, съ запятокъ ловко соскакивалъ рослый выѣздной лакей, Иванъ, и, положивъ руку на окно, шелъ рядомъ съ каретой, поддерживал—или дѣлая видъ что поддержи-ваетъ—ее плечомъ. Это почему-то успокоительно дѣйствовало

на матушку, какъ будто человѣческой силы хватило бы удержать такую тяжесть!..

Только тамъ, гдѣ дорога была совершенно гладкая и ровная, допускалась ѣзда рысью, и тогда форрейторъ Типша, смотря за постромками, поминутно оглядывался назадъ и, подпрыгивая въ тактъ на сѣдлѣ, выкрикивалъ своимъ тоненькимъ голоскомъ; а старикъ Кузьма, съ высочайшихъ козелъ, густымъ басомъ командовалъ ему и поцужалъ лошадей, которыя нога въ ногу, ровной рысью, бѣжали вплоть до перваго кособора...

Но за то у батюшки, служившаго когда-то въ кавалеріи, былъ „охотничій“ четверикъ чистокровныхъ витолей. И что это были за лошади! Миѣ кажется, что теперь такимъ уже не родятся; по крайней мѣрѣ—миѣ никогда уже въ жизни не случилось встрѣтить что-либо подобное.

Весь четверикъ былъ подобранъ съ такимъ искусствомъ, что съ трудомъ возможно было отличить одну лошадь отъ другой. Саврасой масти, съ одинаковымъ пирогимъ чернымъ ремнемъ вдоль спины, съ одинаковыми густыми черными хвостами и волнистой гривой, ниспадавшей чуть-ли не до самой земли, одинаковаго роста, одной длины, однихъ лѣтъ и характера,—четверикъ этотъ служилъ предметомъ удивленія и зависти всѣхъ помѣщиковъ нашего округа.

Разсказывались цѣлыя легенды—проникавшія и въ память и въ дѣтскую—о необыкновенной злобѣ, выносливости и быстротѣ этихъ лошадей, при чемъ главную роль въ этихъ разсказахъ игралъ любимый отцовскій кучеръ Яшка—сынъ нашей няньки Арины. Высокаго роста, красавецъ цыганскаго типа, съ черными, какъ смоль, кудрями и длинными вьющимися усами, онъ обладалъ богатырской силой и постигъ все тонкости узарской ямской ѣзды въ совершенствѣ. Любилъ онъ „своихъ“ лошадей до такой степени, что когда впоследствии ему пришлось съ ними разстаться, онъ, прощаясь съ ними, рыдалъ, какъ ребенокъ, покрывая ихъ горбатыя морды нѣжными поцѣлуями. За то и лошади его любили...

Бывало, въ подъѣзду поданъ легкій отцовскій экипажъ. Дышловыя лошади стоятъ, какъ вкопаныя; между тѣмъ какъ притяжнныя, звеня подгарками и бубенцами, нетерпѣливо грызутъ

удпла и, играя на мѣстѣ, роютъ копытами землю. Точно золотая, переливается на нихъ ярко вычищенная сбруя, а изъ-подъ нея мѣстами уже выступаетъ бѣлая пѣна и потъ. Весь четвертакъ, видимо, перво возбужденъ, но экипажъ даже не тронется съ мѣста...

А на бозлахъ, въ небрежной позѣ, перебралъ въ рукахъ возжи, какъ-то бокомъ сидитъ Яшка. Одѣтъ онъ въ шелевую красивую рубаху и бархатную безрукавку, подпоясанъ наборнымъ поясомъ, и на красивой его головѣ ухарски надѣта пояревая шляпа съ павлиновыми перьями. То голосомъ, то рѣзкимъ ударомъ ременной возжи, сдерживаетъ онъ расшатавшихся пристяжныхъ, которые, на мгновеніе стихнувъ, вновь принимаются за то же, видимо сгорая отъ нетерпѣнія и ожиданія...

На крыльцѣ, съ длиннымъ чубукомъ въ рукѣ появляется батюшка. Камердинеръ что-то бережно укладываетъ въ экипажъ, поправляетъ въ немъ подушки, затѣмъ помогаетъ барину покойнѣе уѣсться. Въ теченіи всѣхъ этихъ сборовъ дышловыя продолжаютъ стоять все также смѣрно, а пристяжные еще нетерпѣливѣе начинаютъ прыгать и играть, опустивъ свои морды чуть ли не до самой земли.

Но вотъ наконецъ раздастся давно ожидаемое слово „пошелъ!“ Заслышавъ знакомый голосъ, лошади, настороживъ уши, какъ-то перво встрепнулись... Ударилъ Яшка возжами, гнелъ... Дышловыя рванули впередъ, взявъ съ мѣста въ крупную рысь, пристяжные яростно взвились на дыбы, но, сдерживаемыя могучей рукой, тутъ же свернулись въ кольцо и на отлетѣ съ мѣста же пускаются въ скачъ... Въ теченіи нѣсколькихъ мгновеній еще видно, какъ по обѣимъ сторонамъ раздвигаются ихъ густыя, волнистыя гривы, еще слышно, какъ въ тактъ раздаются мѣрные удары копытъ и звонъ бубенчиковъ... Затѣмъ проходитъ мигъ, за нимъ другой... и—все смолкло, все исчезло...

При такомъ зрѣлищѣ, я, обыкновенно, какъ очарованный, замиралъ отъ восторга. Боже! сколько тайныхъ, но—увы!—несбыточныхъ, страстныхъ желаній неистово врывалось тогда въ мою дѣтскую душу!... Что отдалъ бы я, наирѣмѣрь, за то, чтобы мнѣ позволено было, хоть одинъ только разъ, хоть немножко, покататься съ Яшкой на отцовскихъ лошадяхъ!... И какъ антипа-

тичины становились миѣ тогда — п матушенин „клячп“, какъ я ихъ называлъ мысленно, и эта противная карета, гдѣ было всегда такъ тѣсно п такъ душно, и наконецъ этотъ противный Кузьма, который точно спалъ на своихъ широчайшихъ козлахъ!

Но увы! воздушныя замки мои прерывались обыкновенно самымъ прозаическимъ образомъ. Явился monsieur Thibaut, бралъ меня за руку и торжественно отводилъ въ классную, гдѣ снова засаживалъ за французскую грамматику....

Въ то время вообще воспитывали дѣтей довольно строго, а потому намъ не разрѣшалось ни на шагъ отлучаться изъ дому безъ сопровожденія гувернера или гувернантки. Но было время, когда п мы пользовались полной свободой. Послѣ обѣда въ домѣ наступала мертвая тишина и все засыпало на часъ или на два, начиная съ господъ и кончая прислугой. Даже французъ Тибо — и тотъ прекрасно усвоилъ эту русскую привычку, чему впрочемъ отчасти способствовала въ глубокой тайнѣ хранившаяся въ его сундучкѣ бутылка коньяку. Проглотивъ съ видимымъ наслажденіемъ нѣсколько рюмокъ этого нектара, Тибо сперва начиналъ клевать носомъ, а затѣмъ, заручившись наимъ „честнымъ словомъ“ не шалить, преспокойно сворачивался на диванѣ „калачикомъ“ и начиналъ громко храпѣть.

Убѣдившись, что Тибо заснулъ, я, безъ шанса, черезъ черныи ходъ, стремглавъ бѣжалъ на конюшню, гдѣ Яшка постоянно что нибудь чистилъ, чинилъ или смазывалъ, п между нами начиналась безконечная бесѣда о лѣвой прпстяжной, о правомъ коренникѣ или же о „клячахъ“ Кузьмы, причемъ я старался усвоить и при случаѣ повторять разныя техническія выраженія лошаднаго спорта.

Не знаю, угадывалъ ли во миѣ Яшка будущаго страстнаго любителя лошадей, но онъ, видимо, миѣ симпатизировалъ и даже баловалъ. Сколько енутиховъ понадѣлалъ онъ миѣ въ то время изъ ременныхъ обрѣзковъ п сколько разъ, рискуя быть за это строго наказаннымъ, онъ осторожно сажалъ меня на отцовскую верховую лошадь!..

И вдругъ, все это какъ-то неожиданно скоро для меня измѣнилось.

Однажды, утромъ, когда пляска Арина вошла къ намъ въ дѣтскую, чтобы одѣть насъ, меня поразилъ ея растерянный видъ. Лицо у нея было мертвенно блѣдно, глаза красны, и когда она подавала мнѣ умываться, я замѣтилъ, что ея руки нервно дрожали. На настойчивые мои вопросы: что съ ней?—Арина только молча вздыхала, и по ея морщинистымъ щекамъ текли обильныя слезы. Когда же мы вышли изъ дѣтской, то, по общему настроенію, сейчасъ же стало замѣтнымъ, что случилось нѣчто необычайное... Люди ходили по комнатамъ на цыпочкахъ и затаивъ дыханіе; въ кабинетѣ раздавался грозный голосъ батюшки, отдававшего какія-то приказы; куда-то поскакалъ верховой... Матушка долго шепталась съ Ариной, которая, сдерживая рыданія, о чемъ-то въ полголоса ее умолила. Затѣмъ матушка отправилась въ кабинетъ къ отцу, откуда возвратилась, взволнованная и грустная...

Во всемъ домѣ настала кака-то зловѣщая тишина. Даже мы присмирѣли. Только одинъ любопытный Тибо продолжалъ поминутно выбѣгать на дворъ, гдѣ о чемъ-то разспрашивалъ каждаго встрѣчнаго и, возвращаясь назадъ, ворчалъ себѣ подъ носъ: „oh! le misérable!.. ah! le brigand!.. ¹⁾ а затѣмъ, жестикулируя, принимался что-то шепотомъ объяснять Амалію Карловнѣ, которая, въ свою очередь, складывая руки какъ бы для молитвы, съ насомъ восклицала: „Lieber Gott!.. aber das ist unmöglich!.. ²⁾“. Словомъ, всѣ волновались, чего-то ожидая, причемъ отъ насъ, дѣтей, всячески старались скрыть происшедшее.

Но скрыть что-либо отъ насъ было не легко. Я не знаю, какъ это случилось, но въ концѣ концовъ, не смотря на всѣ предосторожности, мы обыкновенно очень скоро узнавали подробности каждаго происшествія. То же было и теперь.

Оказалось, что пѣмецъ-винокуръ былъ посланъ отцомъ съ Янкой на знаменитыхъ „саврасыхъ“ по бѣйне свѣшному дѣлу въ городъ. Исполнивъ весьма аккуратно данное ему порученіе, пѣмецъ самъ напился и напоилъ Янку. И вотъ, возвращаясь домой, очумѣвший отъ пива и водки винокуръ, вздумалъ разыграть изъ себя „барина“: ему захотѣлось прокатиться на барскихъ лошадяхъ, и

¹⁾ О, несчастный! А, разбойникъ!

²⁾ Боже! но это невозможно.